

Г. С. Джумабекова, Г. А. Базарбаева

О РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ЖЕТЫСУ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ДАННЫХ ¹

В статье рассматриваются памятники раннего железного века обширного региона Казахстана — Жетысу. Концентрация погребально-поминальных объектов сакской эпохи в регионе позволяет выделить его в качестве территории, принадлежавшей определенной конфедерации племен. Судя по наличию большого количества «царских» курганов, в обществе существовала тройная система иерархии.

Ключевые слова: Жетысу, ранний железный век, памятники, исследования.

Жетысу («Семь рек» в буквальном переводе с каз. «жеты» — «семь», «су» — «вода») подразумевает обширный в историко-культурном отношении регион, расположенный на юго-востоке Казахстана. По современному административному делению он включает в себя территорию Алматинской обл. и восточные районы Жамбылской обл. Название региона отражает особенности топонимической ситуации, а именно обозначение края семи рек, в число которых различные авторы включают свои варианты или сочетание рек. Жетысу обрамляют степи и предгорья Сарыарки, Казахского Алтая, Средней Азии и Восточного Туркестана (Жандаев 1978; Ожерельев 2012; Рогожинский 2016). Изначально эта область называлась Семиречье, географически охватывавшая пространство между цепью озер Балхаш, Сасыколь и Алакколь на севере, хребтами Северного Тянь-Шаня на юге, Джунгарским / Жетысуским Алатау на востоке и Шу-Илейскими горами на западе, включая также верховья долины Шу / Чу на

территории Кыргызстана. Наиболее крупная река Жетысу — Иле / Или — делит область на левобережную и правобережную части, на Западное и Восточное Семиречье, в составе которого и выделяется собственно историческая область — Жетысу, известная под этим названием со второй половины XVIII в. (Историко-культурный... 2011, с. 12).

Система расположения могильников и поселений позволяет предположить, что сакские племена Жетысу занимались полукочевым скотоводством, совершая короткие перекочевки по склонам гор, долинам рек и предгорным степям с зимних пастбищ на летние. Если судить по конструкциям подкурганых гробниц Бешпатыра (долина р. Иле), они могли строить большие и сложные для того времени сооружения из дерева, камыша, камня. Весенне-осенние пастбища располагались на равнинах и предгорьях, летние — в средне- и высокогорье, где продолжительность их использования достигала 1,5—4 месяца в году. Во внутригорных котловинах, на склонах с южной экспозицией располагались зимние пастбища. Подходящими для зимнего выпаса скота являлись также возвышенности, подветренные склоны, лоцины, подошвы гор — в зависимости от рельефа зимние пастбища использовали в определенной последовательности. О возможности расположения зимовок в горах писали известные исследователи (Акишев 1972, с. 38; Краснов 1987, с. 439, 452). В принципе система вертикального кочевания сохранялась и позже, например, у казахов Старшего жуза (территория Жетысу — бассейн реки Иле и ее притоков, предгорья Жетысуского и Иле Алатау, Киргизского хребта и Каратау, междуречья Шу и Таласа, районы верхнего и среднего течения Сырдарьи):

1. Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, ИРН проекта BR05236565.

зимніе пастбища в основном располагались в равнинной части региона в песках, предгорных и речных долинах, низкогорных районах с пересеченным рельефом местности. Летние пастбища при вертикальном кочевании располагались в горных и высокогорных районах Жетысуского Алатау и западных отрогов Тянь-Шаня (Масанов 1995, с. 56).

Несмотря на многолетнюю историю изучения древностей сакского времени Жетысу, до сих пор остаются слабо разработанными **вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников**. При характеристике древностей раннего железного века региона исследователи оперируют терминами «раннесакский», «среднесакский», «позднесакский».

В настоящее время по Жетысу существует 36 дат памятников эпохи ранних кочевников (табл. 1). К числу наиболее ранних объектов относятся погребально-поминальный комплекс Бешпатыр (Dolukhanov, Romanova, Semyontsov 1970; Евразия... 2005, с. 181—182; Panyushkina et al. 2013, p. 1300). По мнению И. П. Панюшкиной, третья дата, являющаяся самой ранней, может оказаться не точной. В то же время исследователь допускает, что эта дата может отражать «нижнюю временную границу строительства некрополя» (Панюшкина, Григорьев, Лейндж 2015, с. 203) (таблица).

Наиболее близкую к Бешпатыру хронологическую позицию занимают данные, полученные по материалам из могильника Каспан 6. На столетие моложе Каспана 6 курган 2 могильника, расположенного на высокогорном плато Кеген. Далее следуют материалы из поселения Цыганка 8 и кургана 3 могильника Турген 2, предметы из разряда культовых бронз Жетысу. Близкую позицию к последним занимают материалы из курганов 7, 10 могильника Турген 2; курганов 49, 59 Каратумы. Наиболее поздними среди дат, полученных из могильников, являются данные по курганам 8, 9 Жуантобе. Разброс в датах поселений Цыганка 8 и Тузусай, очевидно, свидетельствует о неоднократном обживании памятника группами населения в разные исторические периоды.

Для Жетысу имеющиеся 36 дат недостаточны на фоне колоссального количества памятников раннего железного века. В масштабах всего региона полностью раскопанных могильников насчитываются единицы. Эти и другие обстоятельства делают пока невозможным фундаментальную разработку вопросов хронологии и периодизации. Поселения раннего железного века. В Жетысу в настоящее время известны десятки поселений сакской и усуньской эпох.

По наблюдению археологов, следы поселений раннего железного века зафиксированы в каждом отдельном ущелье Иле Алатау, где имеется какой-либо источник воды (родник, ручей). Следы древних поселений выявлены специалистами вдоль берегов рек, стекаю-

щих с гор, на расстоянии до 15—20 км (Горячев, Сараев 2015, с. 7). На выходе из ущелий поселения раннего железного века смещаются к основанию предгорных подошв. Крупными являются поселения Рахат и Алмаарасан (Байпаков 2008, с. 71—72). Наиболее исследованными памятниками предгорных равнин у северных склонов Иле Алатау являются поселения Тузусай, Талдыбулак 2 (Цыганка 2) и Цыганка 8, датируются позднесакским периодом IV—I вв. до н. э. (Горячев, Мотов 2012; Байпаков 2008). Характерно, что поселения функционировали и в следующий, усуньский, период. Одним из примеров изученного археологического комплекса является Бутакты, расположенный в предгорной части и в устьях горных ущелий Иле Алатау.

В результате исследований выявлено, что для поселений эпохи ранних кочевников характерны наземные каркасные юртообразные жилища, полуземлянки (Горячев, Егорова 2015), жилища земляночного типа, заглубленные полуземлянки, врезанные в склоны гор с южной экспозицией. Жилища раннего железного века устроены на поселениях эпохи бронзы. Для защиты жилищ поселений от схода снега были предусмотрены валы и водоотводные каналы, зафиксированы арыки для подвода питьевой воды. Наиболее близкие аналогии конструкциям турлучного типа, по мнению авторов исследования, видятся в материалах поселений Горного Алтая. Аналогии выявленной на поселениях комплекса Бутакты керамике известны на обширной территории Центральной Азии, начиная с середины I тыс. до н. э., в погребальных памятниках Жетысу III—I вв. до н. э. Формы керамики сакского поселения археологического комплекса Турген 2 обнаруживают некоторое сходство с материалами раннесакских поселений Центрального Казахстана и Алтая, вместе с тем, по особенностям декора ее можно сравнить и с керамическими комплексами из погребений Приаралья, Средней Азии (Горячев 2011). На основании анализа материалов полевых исследований удалось заключить, что основным занятием было скотоводство (Бутакты 3), поливное земледелие (Бутакты 1). В целом, для населения северных склонов Иле Алатау было характерно полукочевое скотоводство, на лето население поднималось на высокогорные пастбища, на летовки (Горячев, Сараев 2017).

Таким образом, в период раннего железного века на предгорной равнине у северных склонов Иле Алатау в долинах рек существовали небольшие семейно-родовые поселки, которые входили в округу крупных стационарных поселков, отделяясь от них полями. Крупные поселения состояли из 12—15 хозяйственно-жилых конструкций. Жилые помещения, в свою очередь, состояли из одно-трехкомнатных секций. Встречаются многокомнатные двухэтаж-

14С даты по памятникам раннего железного века Жетысу

№	Лабораторный индекс	Памятник, материал	Возраст, ВР	Калиброванный интервал, 2 σ
1	LE-603	Беспатыр, к. 1, дерево	2550 ± 65	820—490 BC
2	LE-590	Беспатыр, к. 3, дерево	1850 ± 70	340 BC — 5 AD
3	LE-5643	Беспатыр, к. 6, дерево	2570 ± 35	820—750 BC
4	AA № 97421	Беспатыр, к. 3, дерево	2465 ± 37	—
5	AA № 97420	Беспатыр, к. 3, дерево	2504 ± 43	—
6	AA № 97419	Беспатыр, к. 3, дерево	2527 ± 38	—
7	AA № 97418	Беспатыр, к. 3, дерево	2464 ± 39	—
8	UBA-24075	Каспан 6, к. 4	2466 ± 33	95,4 %; BC; 765—471 (0,946); 466—430 (0,054)
9	SPb-1445	Каспан 6, к. 1	2500 ± 45	95,4 %; BC; 794—477 (94,3 %); 444—432 (1,1 %)
10	ГИН8863	Горный гигант, нагар с котла	2270 ± 160	784 BC — 4 AD
11	Beta-270147	Кеген, к. 2, кость животного	2340 ± 40	95,4 %; BC; 720—690 (1,4 %); 540—350 (89,5 %); 290—230 (4,5 %)
12	Hd-28054	Жуантобе, к. 8, древесина	2140 ± 44	95,4 %; BC; 360—270 (23,5 %); 260—40 (71,9 %)
13	Hd-28019	Жуантобе, к. 9, ботанический материал	2046 ± 37	95,4 %; 170 BC — 30 AD (94,3 %); 40—50 AD (1,1 %)
14	Poz-37301	Турген 2, к. 7, м. я. 1, п. 1, кость человека	2275 ± 30	95,4 %; BC; 400—340 (51,1 %); 300—200 (44,3 %)
15	Poz-37300	Турген 2, к. 7, м. я. 1, п. 2, древесина	2190 ± 35	95,4 %; BC; 380—160 (95,4 %)
16	Poz-37303	Турген 2, к. 10, м. я. 1, п. 1, кость человека	2225 ± 30	95,4 %; BC; 390—200 (95,4 %)
17	Poz-37336	Турген 2, к. 10, м. я. 1, п. 2, кость человека	2285 ± 35	95,4 %; BC; 410—340 (54,0 %); 310—200 (41,4 %)
18	KIA 42816	Турген, жертв. стол, сажа / нагар	2194 ± 20	95,4 %; BC; 370—190 (95,4 %)
19	KIA 42815	Турген, жертв. стол, сажа / нагар	2234 ± 20	95,4 %; BC; 390—340 (23,1 %); 320—200 (72,3 %)
20	Poz-37296	Улжан, к. 2, древесина	2170 ± 35	95,4 %; BC; 370—110 (95,4 %)
21	Le-5635	Турген 2, к. 3, древесина	2300 ± 50	95,4 %; BC; 510—430 (5,1 %); 420—200 (90,3 %)
22	Beta-129589	Цыганка 8, слой I, яма-хранилище 98	2300 ± 80	95,4 %; BC; 750—100 (95,4 %)
23	Beta-153900	Цыганка 8, слой II, землянка 3, уровень пола 4	2120 ± 40	95,4 %; BC; 360—290 (10,9 %); 230—40 (84,5 %)
24	Beta-133612	Цыганка 8, слой III, землянка 3, уровень пола 3a/b	2390 ± 70	95,4 %; BC; 770—360 (95,4 %)
25	Beta-133611a	Цыганка 8, землянка 2, уровень пола 2	2130 ± 40	95,4 %; BC; 360—290 (16,1 %); 240—40 (79,3 %)
26	Beta-133611	Цыганка 8, яма-хранилище 13	2130 ± 40	95,4 %; BC; 360—290 (16,1 %); 240—40 (79,3 %)
27	Beta-133614	Цыганка 8, слой IVa, кв. V/10	2190 ± 80	95,4 %; BC; 400—40 (95,4 %)
28	Beta-098385	Тузусай, яма 8	2320 ± 40	95,4 %; BC; 520—350 (78,3 %); 300—210 (17,1 %)
29	Beta-86750	Тузусай, слой IV, яма 22	2310 ± 50	95,4 %; BC; 520—340 (61,6 %); 330—200 (33,8 %)
30	Beta-98381	Тузусай, кв. V/13, концентрация золы	2170 ± 60	95,4 %; BC; 390—50 (95,4 %)
31	Beta-098383	Тузусай, яма 29	2230 ± 30	95,4 %; BC; 390—340 (23,0 %); 330—200 (72,4 %)
32	Beta-098384	Тузусай, слой V, яма 30Б	2170 ± 30	95,4 %; BC; 370—150 (92,6 %); 140—110 (2,8 %)
33	Beta-86749	Тузусай, слой VI, яма 17	2070 ± 40	95,4 %; 200 BC — 20 AD (95,4 %)
34	Beta-86747	Тузусай, слой VI, яма 24	2020 ± 40	95,4 %; 160—130 BC (4,3 %); 120 BC — 70 AD (91,1 %)
35	UBA-22937	Каратума, к. 59	2233 ± 33	95,4 %; BC; 384—204
36	UBA-22936	Каратума, к. 49	2210 ± 33	95,4 %; BC; 381—198

Примечание. Для калибровки радиоуглеродного возраста образцов с шифрами AA, ГИН использована калибровочная кривая для северного полушария (Reimer et al 2009) и программа CALIB 6.0 (Stuiver et al 2005) (по: Панюшкина, Григорьев, Лейндж 2015, с. 204; Джумабекова, Базарбаева 2013). Публикации, по: 1, 2 — Dolukhanov, Romanova, Semyontsov 1970; 3 — Евразия... 2005, с. 181—182; 4—7 — Панюшкина, Григорьев, Лейндж 2015, с. 204; 8, 9 — Бейсенов и др. 2015, с. 64; 10 — Джумабекова, Базарбаева 2013, с. 72; 11—20 — Гасс 2015, с. 86; 21 — Горячев 2007, с. 13; 22—34 — Chang et al. 2003, p. 303; 35, 36 — Мотузайте Матузевичус 2016, с. 625

ные жилые строения. Рядом располагались хозяйственные постройки. Жители таких селений занимались ирригационным земледелием (Горячев 2011; Горячев, Егорова 2015). В высокогорной зоне поселения устроены в верховьях крупных ущелий и на высокогорных плато. Они представлены как крупными компактными поселениями до 24 дворов, так и небольшими усадьбами.

Анализ всех данных — конструктивных особенностей строений, устройства поселений, их местоположения в ландшафте, предметного комплекса позволил авторам исследований прийти к выводу о том, что население поселений раннего железного века занималось придомным скотоводством. На позднем этапе раннего железного века в системе расположения древних поселений Иле Алатау наблюдается изменение мест их устройства — жилища фиксируются на склонах гор. Такая же ситуация прослеживается в других районах Жетысу, где проявляются единые требования к устройству поселений. Это продиктовано природно-климатическими и ландшафтными условиями горно-долинной зоны Жетысу. Курганы, как правило, располагаются несколько ниже поселений (Горячев 2011; Горячев, Егорова 2015).

В целом, на основе анализа материала поселений становится ясно, что предгорная полоса имела особую роль в хозяйственно-экономической системе древнего населения с поселениями, выполнявшими роль как хозяйственно-ремесленных, так и административных центров северных склонов Иле Алатау (Горячев, Сараяв 2017). Поселения раннего железного века Жетысу демонстрируют преемственность с памятниками горной зоны эпохи бронзы, процесс формирования новых форм хозяйствования.

Предположения о хозяйственной стороне населения северных склонов хребта подтверждают материалы других поселений, в том числе в черте города Алматы. Б. Н. Нурмуханбетов и Ю. И. Трифонов отмечали, что поселения раннего железного века обычно располагаются не далеко друг от друга. Топография памятников Тузусай, Кызылту, Коккайнар, по их мнению, позволяет предположить о локализации родственных групп населения, обитавших на данной территории (Нурмуханбетов, Трифонов 2016).

Во многих районах Жетысу найдены поселения, как устроенные на новом месте, так расположенные на площадях более ранних поселков. В Жетысуском Алатау древние поселения Буйен, Тасбас, Калакай (Карабаспакова 2011; Марьяшев 2002) содержат слои как эпохи бронзы, так и сако-усуньского времени. На поселении Тасбас 1, открытом и исследованном А. Н. Марьяшевым в горах Баянжурек, найдены фрагменты керамики с жемчужным орнаментом (Марьяшев 2002, рис. 7), что свя-

зано, по мнению А. З. Бейсенова, с наличием слоя раннесакского времени (Бейсенов 2015). Другая часть керамики поселения связана с посудой периода финальной бронзы. Такой же случай выявлен неподалеку на поселении Музбулак (Марьяшев 2003). Известны многочисленные поселения в районе Шу-Илейских гор — в урочищах Тамгалы, Серектас, Киндыктас и др. Могильники раннего железного века. Погребальные памятники древних кочевников Жетысу представлены такими объектами, как Беспатыр, Беркара, Жетытобе, Жуантобе, Иссук, Тенлик, Турген, Улжан, Каркара, Катарторбе, Шанырак, Каспан 6 и др. Комплексы относятся к различным этапам культуры сакского времени.

К. А. Акишев в свое время отметил, что огромное количество элитарных курганов на территории Семиречья (Жетысу) свидетельствуют о высоком развитии социума, строго организованной военно-политической системе, массовой приверженности религиозно-идеологическим догмам (Акишев 2013, с. 50).

Относительно погребений в Беспатырских курганах К. А. Акишев пришел к выводу о том, что их можно интерпретировать как могилы представителей трех социальных слоев — аристократии и знати, дружинников и рядовых общинников. Курганы, крупнейшие из которых достигают в высоту 16—18 и имеют 90—100 м в диаметре, тянутся цепочками вдоль речных террас и по краям сухих русел. Такие курганные насыпи нужно воспринимать как своего рода инсигнии власти (Акишев 2013, с. 56).

Курганный могильник **Беспатыр** относится к числу наиболее ярких и ранних памятников (Акишев, Кушаев 1963) степной Евразии, сохранившимся в первоначальном природном и историческом ландшафте (Панюшкина, Григорьев, Лейндж 2015). В момент обнаружения на могильнике насчитывался 31 курган (Акишев, Кушаев 1963, с. 26). Илийской и Семиреченской археологическими экспедициями под руководством К. А. Акишева в 1957, 1959—1961 гг. на Беспатыре было раскопано 18 курганов.

Курганы представляют собой конструкции, сочетающие наземные и подземные сооружения, образующие грандиозные и сложные палеоархитектурные ансамбли, которые были названы К. А. Акишевым «сакскими пирамидами» (Акишев 1977 с. 265). Часть их имеет вид усеченного конуса. При сооружении погребально-поминальных комплексов использовалась четырехугольная и круглая планировки, техника каменной кладки, технологии деревообработки. В качестве вспомогательного материала также прослеживается использование камыша, кустарника, войлока, щебня, земли (Акишев, Кушаев 1963, с. 26—27, 77).

Элементы организации околокурганного пространства представлены менгирами, кромлехами, выкладками, валом из камня в

виде ограждения. Характерной особенностью бесшатырских курганов являются ограды, состоящие из кольцевых сооружений, образованных менгирами, и крупных валунов. Примечательно, что они располагались по спирали, начало которой находилось с восточной стороны кургана.

Бесшатыр входит в ряд элитарных погребально-поминальных комплексов степной части Евразии, таких как Бегазы-Дандыбай, Шиликты, Кенес, Аржан, основные элементы погребального обряда их схожие. Специалисты объясняют это общим наследием культурного субстрата, либо распространением аржанской культурной традиции. Конструкция бревенчатых «усыпальниц» Бесшатыра не имеет аналогов в древней деревянной архитектуре, выделяясь среди других элитарных памятников. Возможно, сооружения из бревен в виде усеченной пирамиды над погребением уходят корнями в памятники эпохи бронзы (Бегазы-Дандыбай).

В целом, вероятно, Бесшатыр это некрополь кочевой элиты I тыс. до н. э., сакральный центр раннесакского времени Северо-Восточного Жетысу. Сложность и монументальность погребальных сооружений, дифференциация по размерам свидетельствуют о высоком уровне политической организации, социальной стратификации, уровне строительного дела, развитых религиозно-мифологических представлениях, идеологии (Акишев, Кушаев 1963, с. 26—27, 77).

«Царские» курганы Восточного Семиречья имели первоначальный архитектурный замысел, согласно которому возводились с плоской вершиной и прямыми боковыми скатами, т. е. «имели форму усеченного конуса». Масштабность погребально-поминальных комплексов впечатляет. Так, объем насыпи Большого Бесшатырского кургана составляет 67,5 тыс. м³. Каменный вал вокруг него и 94 кольцевые ограды возведены из более чем 650 менгиров и валунов. На возведение погребальной камеры из трехметровых бревен тянь-шанских елей в Третьем кургане использовали более 300 бревен. По подсчетам, только на строительство Большого Бесшатырского кургана потребовалось около 40—45 тысяч человеко-дней (Акишев 2013, с. 58).

Таким образом, курганы Бесшатыра сопоставимы по масштабам с известными курганами скифского времени — Огуз, Солоха, Чертомлык, Гайманова Могила, Толстая Могила и др., которые сосредоточены в Приднепровье, где, по одной из версий, и находились Герры.

Курганы представляют собой информативные объекты в плане изучения социальной стратификации общества саков. Не случайно, по-видимому, именно могильники раннего железного века, содержащие курганы сакской элиты, выбираются в качестве объектов изуче-

ния. Так, в ходе совместных работ с исследователями из ФРГ в качестве курганов элиты Жетысу были выбраны курганы высотой 2 м и более, диаметром от 30—40 м. Выявлено, что некрополи ранних кочевников располагаются на берегах рек — на второй или третьей надпойменной террасе, вдоль предгорий Иле Алатау (Гасс 2011). В топографическом отношении местность представляет собой стык аллювиальных отложений и равнины. Обращает на себя внимание, что элитарные курганы располагаются в наиболее благоприятных условиях, соответствующих социальному привилегированному слою. Цепочки курганов (в количестве 1—7) вытянуты по линии север—юг, находятся на расстоянии 0,5—3,0 км от предгорий. Анализ планиграфии курганных могильников Семиречья позволил К.А. Акишеву выделить два типа пространственной организации могильного пространства — центрический и линейный (Акишев 2013, с. 62).

Высокая концентрация могильников с большими курганами выявлена на плато Кеген и в высокогорных долинах Иле и Кунгей Алатау. Большинство могильников возведено на западном берегу рек. В большинстве курганы представляют собой усеченный конус с крутыми склонами (Гасс 2011, с. 59). В составе этих могильников зафиксированы курганы подквадратной формы с пирамидальной насыпью, курганы с ритуальными дорогами, курганы с каменными кольцами (Гасс 2011, с. 60).

Сходные конструктивные элементы, в целом образующие погребально-поминальный комплекс, выявлены на других, известных раннесакских памятниках Евразии. Так, каменные ограды, расположенные полосой в два-три ряда вокруг кургана Аржан 1, описаны М. П. Грязновым (Грязнов 1980, с. 44—45).

К числу комплексов, также датируемых раннесакским временем, относится **Жалаулинский клад**, найденный в 1988 г. школьниками в 170 км восточнее г. Алматы. В войлочном мешке находились более 600 золотых украшений весом почти в 1,5 кг. Среди многочисленных изделий клада находились украшения, выполненные в скифо-сибирском «зверином» стиле, художественные изделия раннесакского времени (Тасмагамбетов 2003; Самашев, Григорьев, Джумабекова 2005). Вероятно, они происходят из разграбленных курганов. Относительно функциональной принадлежности предметов единого мнения нет. Вероятно, они представляют собой детали наборного пояса, украшения одежды и головного убора, нагрудное украшение (пектораль). Есть также предположение, что это изделие могло быть нагрудником в составе ритуального убранства коня (Алтынбеков 2014).

В составе клада есть штампованные бляхи с изображением барса, терзающего козла; горные козлы, вырезанные из листового золота.

Особенно великолепно бляхи в виде двух олений, слившихся в единую композицию, являющиеся важным датировочным материалом. Аналогии встречаются в пределах VIII—VI вв. до н. э. Анализ предметов раннесакского времени показал связи регионов: Тыва, Восточный Казахстан, Сарыарка, Семиречье и Приаралье (Акишев, Акишев 1978; Бейсенов 2013).

К раннему этапу эпохи железа относятся предметы из клада **Биже**. К. А. и А. К. Акишевы датировали находки второй половиной VIII — началом VII в. до н. э. Этот клад привязывается к двум группам курганов (Акишев, Акишев 1978). На аэрофотоснимке район находки просматривается как долина реки, зажатая между двумя рядами хребтов на севере и на юге. Южнее на полях читаются распаханые курганы. Всего выявлены три курганные группы, насчитывающие по 5—10 сооружений. Клад был обнаружен случайно на глубине 0,7 м, в 90 м восточнее кургана 1 группы Биже 1. Несколько из исследованных курганов, видимо, сочетали особенности как погребений эпохи поздней бронзы, так и времени ранних кочевников (Акишев 1965).

Комплекс включает четыре неполных набора конской узды, зооморфных наверший, обойм в виде колечек (174 экз.), распределителей ременной узды (10), петельчатой бляхи, двух подвесок (Акишев, Акишев 1978). В состав сбруйного набора входят бронзовые навершия, украшенные головками горных козлов. Они имеют втулки в виде усеченного конуса. В этом же районе также случайно был найден бронзовый кинжал длиной 39 см с прямым перекрестием и овальной в сечении рукоятью с грибовидным навершием. Кинжал датируется VIII в. до н. э.

Выразительные материалы из Биже позволяют произвести корректировку хронологической позиции некоторых раннесакских комплексов на основе развития образа таутеке: Тамды (Памирская I)/10, Уйгарак/66—Биже—Байгетобе—Тасмола V/2, Ерзовка. Комплекс кург. 10 мог. Тамды (Памирская I) конца VIII — начала VII в. до н. э. до кургана Аржан 2 середины VII в. до н. э., тенденция развития образа таутеке укладывается в период как минимум 50 лет (Полидович 2011).

В Жетысу известны и другие клады раннесакского времени с предметами конского снаряжения и вооружения. Один из них обнаружен недалеко от г. Алматы, на берегу р. **Шамалган**. Ранее в окрестностях были выявлены курганы (Археологическая... 1966, № 4279, 4318, 4319, 4419). Клад состоит из пяти предметов: втульчатые наконечники стрел и копыя; две бляшки округлые, выпуклые, с петлей; деталь конской сбруи — представляет собой уплощенную втулку, верхний конец которой оформлен в виде кольца (Джумабаева, Базарбаева 2013).

Курган Иссык — это одно из редких сооружений, уцелевшее от разграбления. Диаметр

кургана Иссык достигал 60 м, высота — 6 м, крутизна склонов составляла 45—50° (Акишев 1978). Теоретически вычисленный объем кургана равен 8600 м³. При возведении данного сооружения понадобилось примерно 3000—4000 человеко-дней (Акишев, Акишев 1982, с. 92). Насыпь, по мнению исследователей, представляла собой сложное сооружение в виде правильного конуса. Изучение стратиграфии наземного сооружения показало, что насыпь была многослойная. При зачистке основания кургана были выявлены два захоронения: центральное и боковое. В центральной могиле зафиксированы следы хищнического ограбления. В могильной яме, где было совершено боковое захоронение, был установлен пятивенцовый сруб из обработанных бревен тянь-шанской ели (Акишев 1978, с. 15; Акишев, Акишев 1982, с. 92). Здесь были обнаружены останки погребенного (18—25 лет), облаченного в декорированный штампованными золотыми пластинами костюм, в сопровождении предметов вооружения (меч и кинжал), посуды, туалета. Южную и западную части камеры занимала посуда, установленная в определенном порядке — 16 глиняных сосудов, три металлических чаши (две серебряных и одна — бронзовая), два деревянных блюда, серебряная ложка и деревянный черпак. Всего в погребальной камере было найдено свыше 4000 золотых предметов, 26 бусин из сердолика и пасты. Надпись на серебряной чаше до сих пор не расшифрована.

Иссыкский вождь носил высокий остроконечный кулах, декорированный тремя фризами (Акишев 1978). «Золотой» костюм свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного, что подчеркивалось красной («огненной») и золотой (солнечной) окраской, сакральными орнаментами и атрибутами (гривна, перстни, пояс, оружие, ритуальная посуда и т. д.). Найдка из Иссыка свидетельствует о том, что утилитарная одежда (катафракт) превращалась постепенно в ритуальную, а первоначальные функции (защита тела при вооруженной борьбе) приобретали символическую окраску. Иссыкский костюм символизирует соединение военной и жреческой функций в лице сакского вождя (Акишев 1984; Нурмуханбетов, Загородний 1984). Датировка — V—III вв. до н. э.

Параллели с материалами кургана Иссык демонстрирует курган **Тасарык** с женским погребением IV—III в. до н. э. в Уржарском районе Восточно-Казахстанской области (Байтанов, Китов 2016). В результате исследований выяснено, что возраст женщины 40—45 лет, головной убор был сделан из красного шелка, а одежда — из шерсти. Головной убор перекликается с таковым известным иссыкского погребения («золотого человека») и Локоть 4а (Шульга 2003). Птица, украшавшая головной убор женщины из Уржара, очень похожа на птицу в сцене со сфинксом на ковре из Пятого

Пазырыкского кургана (Руденко 1960, рис. 152: а, б, л).

В 1985—1986 гг. в 40 км к западу от Алматы, на окраине с. Шамалган (Чемолган) Алма-Атинской археологической экспедицией ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова проводились раскопки двух могильников **Модалы** и **Шубарат**. В общей сложности было изучено 52 кургана. Полученный материал позволил Б. Н. Нурмуханбетову и Ю. И. Трифонову датировать памятники V—IV вв. до н. э., могильник Модалы 1 состоял из 30 курганов, организованных в две цепочки. Первая образована из наиболее крупных курганов, насчитывающая 17 объектов. По величине и топографии они подразделяются на три группы: северную, южную и центральную. Здесь выделены две группы объектов, принадлежащие, как полагают археологи, двум ранжированным слоям населения, различающиеся по социальному статусу и имущественной составляющей. Всего на памятнике раскопками изучено 20 курганов.

Признаком, объединяющим объекты, являются устойчивые элементы погребального обряда: западная ориентировка; положение погребенных вытянутое, на спине. В центральных могилах фиксировались сопроводительные захоронения собак. Б. Н. Нурмуханбетов и Ю. И. Трифонов сделали вывод о непрерывной линии развития культуры населения, обитавшего в данной местности. Позднее на основе находки наконечника стрелы (черешковий со сводчатой трехгранной боевой головкой) из кургана 21 мог. Модалы памятник был продатирован VI — началом V в. до н. э. (Иванов, Тулегенов 2016, с. 78).

Исследования могильника были продолжены в 2005 г. Могильник Модалы 1 продатирован авторами VI—III вв. до н. э. Могильник **Шубарат** находится в низине одноименного урочища, образован более чем 200 курганными объектами. Б. Н. Нурмуханбетов и Ю. И. Трифонов обратили внимание на строительные принципы, использовавшиеся при возведении погребальных сооружений. Насыпь шубаратских курганов была образована четырьмя слоями: двумя земляными и перемежающихся с ними двумя каменными. Дальнейший анализ позволил выделить три условных типа сооружений, с двумя вариантами в каждом. На одном из курганов могильника Шубарат зафиксирован длинный коридор, который исследователями толкуется двояко — либо это древний грабительский лаз, либо дромос.

Несмотря на то, что исследование могильников Модалы и Шубарат проводилось в аварийном порядке, получен объем информации, обогащающий имеющийся представления об облике культуры населения, обитавшего в Жетысу синхронно с создателями иссыкских усыпальниц (Нурмуханбетов, Трифонов 2016).

В настоящее время в районе Алматы имеется лишь один памятник ранних кочевников, хоро-

шо сохранивший свою топографию и элементы исторического ландшафта, это — некрополь **Боролдай**, расположенный на северной окраине Алматы и насчитывающий около 52 курганов (Самашев и др. 2006). Среди них выделяются исполины диаметром 83 м и высотой 9 м.

Одним из крупных могильников эпохи раннего железного века является **Беркара**. Памятник расположен в местности у выхода из одноименного ущелья. Здесь сконцентрировано множество объектов погребально-поминального характера, в общей сложности насчитывающее порядка 457 курганов и каменных выкладок (Бабанская 1956; Байпаков, Воякин 2014). Памятник образован 31 группами объектов, в каждой из которых насчитывается от 5 до 20 курганов, организованных в одну или несколько цепочек. Обряд погребения, зафиксированный на памятнике, — ингумация: умершего укладывали на спину, головой на запад. В качестве элементов сопроводительного комплекса отмечаются мечи, стрелы, колчаные крюки, сосуды, украшения. В общем время — IV—III вв. до н. э. Могильник **Жетытобе** находится в юго-западной оконечности Жетысу, неподалеку от г. Тараз, в предгорной равнине. На памятнике зафиксировано 25 насыпей, организованных в виде двух параллельных цепочек, ориентированных по линии ССВ—ЮЮЗ. Одна цепочка состояла из семи курганов диаметром от 50 до 73 м, высотой от 4 до 7 м и одной небольшой. Вторая цепочка находилась к западу от первой и включала в себя 17 курганов и несколько десятков набросов камней. Диаметр насыпей варьирует от 8 до 40 м, высота — от 0,1 до 3 м. В 1986 г. на могильнике было раскопано 13 объектов западной цепочки. Все погребения группы были подвергнуты в древности полному разграблению (Сейткалиев 2014). Спустя 26 лет к изучению могильника вернулась группа археологов под руководством К. М. Байпакова (Байпаков, Воякин 2014).

Раскопками были исследованы два «царских» кургана (№ 1 и 2). Они представляют собой сложные многокомпонентные архитектурные объекты, сооруженные с использованием земли, камня, дерева и тростника. Погребенные мужчины сопровождалась захоронением коней, собак и ловчих птиц. Из находок были встречены разрозненные бляшки, выполненные из листового золота и некогда декорировавшие одежду, в кургане 1 выявлено около 20 глиняных сосудов, а в кургане 2 их более 50. Также были встречены фрагменты каменных жертвенников. Полученные находки позволяют датировать изученные курганы 1 и 2 VI—III вв. до н. э. (Байпаков, Воякин 2014, с. 158).

В Жетысу, на одном из крупнейших конусов выноса, образуемым р. Шелек у крайних восточных отрогов хребта, сосредоточено большое количество курганных могильников (Амиров 2016). По обоим берегам реки выявлены цар-

ские курганы, включая Чиликский могильник с усеченно-коническими и пирамидальными курганами. При этом практически вся периферия конуса выноса реки Шелек занята погребальными полями рядового или близкого к нему по статусу населения. Северо-восточная подошва конуса выноса занята могильником **Каратума** (Амиров 2016; Байпаков, Воякин, Захаров 2016). Отличительной чертой данного могильника являются его размеры — он насчитывает 1070 курганных насыпей из земли и мелкого щебня. Высота курганов варьирует от 0,1 до 1,3 м, диаметр от 4 до 14 м. В планиграфии могильника можно выделить четыре группы, вытянутые по линии ЗСЗ—ВЮВ, в которых объекты располагаются беспорядочно относительно друг друга. Курганы содержат от одной до четырех могильных ям, ориентированных в широтном направлении. В некоторых погребениях фиксируются остатки деревянного перекрытия. В могилах выявлены захоронения от одного до трех индивидов. Предметы сопроводительного комплекса аскетичны и однообразны. По своим характеристикам материалы могильника Каратума демонстрируют сходство с чильпекским типом памятников, датированы интервалом от VI в. до н. э. до III в. до н. э. (Амиров 2015, с. 165).

Особенностью могильников такого рода является отсутствие в погребениях предметов конского снаряжения и совершенно незначительное количество предметов вооружения. Это существенное отличие погребальной обрядности сако-усуньского населения Жетысу от других культур сакского круга, проявляемое на этнографическом уровне, что отражает его культурную специфику. Могильник **Улжан** находится на территории одноименного микрорайона в г. Алматы, на левом берегу р. Б. Алматинка (Амиров 2008; Нурпеисов и др. 2008; Байпаков, Воякин 2014). Памятник образуют пять курганов с насыпью из земли и камня, вытянутых в виде цепочки направлением С—Ю. Южнее могильника Улжан находится еще один памятник, обозначенный как Улжан 2. Он также состоит из пяти курганов меньших размеров и вытянут по линии СВ—ЮЗ. Раскопками исследовалось несколько курганов. Один из них (№ 4) имел диаметр 55—60 м и высоту 5 м, представлял собой сложное архитектурное сооружение. В стратиграфии прослежено четыре слоя. Археологи считают, что между насыпкой слоев интервал мог быть довольно продолжительным и мог исчисляться количеством проведенных тризн, в процессе которых и выполнялись эти действия (Байпаков, Воякин 2014, с. 124—125). По находкам курган 4 могильника Улжан датирован V—IV вв. до н. э. В ходе раскопок кургана 3 в насыпи был выявлен бронзовый котел. Сравнительно-типологический анализ металлического сосуда укладывается в интервал между IV и III веками до н. э.

Богатое захоронение III—II вв. до н. э. выявлено в одном из курганов могильника **Тенлик** в долине р. Каратал в Восточном Жетысу. Одежда знатного кочевника была украшена сотнями золотых художественных бляшек, в том числе с изображением всадника в плаще. Здесь же найдены жезловидные заkolки или булавки, обтянутые золотым листом и богато орнаментированные розетками. Кроме того, выявлены бронзовое зеркало, деревянная шкатулка, украшенная полосками золота (Акишев 1977; 1983). Изображения на бляхах из Тенлика дают представление об облике представителя элиты древнекочевнического населения и породе местных лошадей. Они близки изображениям усуньских лошадей, представленным на ханьской черепице последних веков до н. э. (Заднепровский, 1962), могильник **Катартобе** расположен на предгорной площадке в долине р. Шалкоде, состоит из более чем 50 разновременных погребально-поминальных сооружений. Вытянут цепочкой с севера на юг. Образован четырьмя группами курганов, среднего и крупного размеров. Конструкция курганов типична для Жетысу: присутствует панцирь из окатанных камней, рвы вокруг крупных курганов. Фиксируются каменные дорожки. Могильные ямы грунтовые, стенки центральной ямы были облицованы окатанными камнями, дно выстлано плитами. Боковое захоронение с бревенчатым перекрытием, меньших размеров (к. 2) (Чотбаев и др. 2012; Чотбаев, Онгар 2014). Наконечники стрел из памятника продатированы IV — началом III в. до н. э. (Иванов, Тулегенов 2016, с. 77).

О сохранении региона Жетысу как одного из политарных центров свидетельствуют такие памятники, как погребально-поминальный комплекс **Каркара**, расположенный в Райымбекском р-не Алматинской обл. В предгорной долине Каркара выявлены 4—5 групп курганов. Восточная цепочка состоит из восьми больших курганов. Курган 1 стоит отдельно на юго-восточной окраине группы. Погребально-поминальный комплекс состоит из наземного сооружения (курган), околочурганного пространства (курганы-ограды, ограды и каменная «дорожка»), рва и внекурганых сооружений. Комплекс имеет значительные размеры: 125 × 127 м. Курган традиционно покрыт каменным панцирем. Окружен крепидой из крупных валунов, перекрытых сверху мелкими камнями. В результате исследования только одного юго-западного сектора между подошвой кургана и рвом выявлено 32 объекта: ограды; курганы-ограды. По мнению авторов раскопок, они были сооружены намного позже, чем сам курган, в гунно-сарматское время. На основе комплекса признаков авторы определили датировку комплекса, состоящего из основного кургана, каменного кольца, рва, VI—V вв. до н. э. Привлекает внимание архитектурно-стро-

ительный элемент в виде кольца, делящего пространство между насыпью кургана и рвом надвое. Аналогии прослеживаются в больших курганах Жетысу — Большой Беспатырский курган, курган 1 могильника Жуантобе, Ассы Сага, курган 2 некрополя Катартобе (Онгар и др. 2014).

На территории г. Алматы известен могильник **Шанырак**. В нем зафиксированы три крупных сохранившихся кургана, каждый из которых представляет собой земляную насыпь высотой до 3 м, диаметром до 40 м. Предположительно изначально высота курганов составляла около 4—5 м. В юго-западной части рядом с курганом выявлена каменная выкладка, диаметром 1 м, вероятно, ритуальное сооружение. Погребения в курганах были совершены в прямоугольных ямах (запад—восток), выявлены дромосы в двух курганах с северной и северо-восточной сторон. Глубина ям небольшая — 0,67; 0,85 м. Выявлены некоторые конструктивные особенности кургана — фрагменты надмогильного сооружения из глины. Сам курган состоял из грунтовой насыпи с каменным панцирем. В кургане 2 перекрытие могильной ямы, судя по остаткам тлена, было деревянным. Под курганом 3 глубина могильной ямы достигала 1,5 м, пол был выложен речной галькой, стены обложены деревом. В потревоженных грабителями курганах сохранились немногочисленные находки. Курганы датированы III—II вв. до н. э. (Байпаков, Таймагамбетов 2006, с. 161).

Для решения вопроса о сложении раннесакского культурного комплекса имеют значение материалы таких памятников, как могильник **Каспан 6**. Он представляет собой курганную группу, образованную шестью крупными объектами, вытянутыми по линии С—Ю. Более мелкие, видимо, уничтожены в результате хозяйственной деятельности. Наиболее крупный — курган 1 (южный). В целом рассматриваемый участок относится к юго-восточной части Жетысу, здесь расположено несколько могильников, они состоят из параллельных цепочек курганов, вытянутых по линии С—Ю. Исследованные курганы 1 и 4 имеют явное принципиальное сходство в конструкции. Выявленные отличия могут объясняться как разницей во времени сооружения объектов, так и другими причинами.

В результате раскопок выявлены конструкции сакского времени, продемонстрировавшие новые для Жетысу черты погребального обряда. К ним относятся применение жидкой глины, возведение надмогильного сооружения в виде купола из стерильной глины, строительство вала вокруг могильной ямы, соединение в одной конструкции глины, дерева, камня, коллективное захоронение людей, захоронение собаки (Бейсенов и др. 2015; Beisenov et al., 2017). Некоторые выявленные черты позволяют предположить сложный погребальный обряд, при

совершении которого могильная яма некоторое время стояла открытой, возведение погребально-поминального сооружения представляло собой поэтапный длительный процесс. Возникает вопрос о ритуальном характере ограбления. Аналогии погребально-поминальному циклу выявлены в Туве (Белое Озеро 3, Догэ-Баары 2 и др.). Поиски аналогий выявленному погребальному обряду приводят нас также в районы Приаралья.

Обсуждение материалов. Такой элемент как дромосы зафиксированы в погребениях сакской эпохи Жетысу, Приаралья, а также в Восточном и Центральном Казахстане. Это общая черта погребального обряда раннесакского населения востока степной Евразии, уходящая корнями в эпоху поздней бронзы. Стелы в конструкции курганов — один из характерных признаков раннесакских курганов Жетысу, Восточного и Центрального Казахстана. Они определяют направления контактов населения районов Горного Алтая, предгорий Алтая, Центрального Казахстана, Жетысу и Приаралья в раннескифское время.

Близость элементов погребальных конструкций можно объяснить тем, что племена сакского типа в Приаралье и Жетысу были вовлечены в бурные этногенетические процессы в азиатской степи, особенно в период становления культур (Яблонский 1996, с. 73—74). Характерные конструктивные элементы выявлены и в Южном Приуралье (Лебедевка, Кырык-Оба II). Причиной проявления в курганах Южного Приуралья рубежа VI—V вв. до н. э. сакских культурных параллелей позволило исследователям предположить, что в конце VI в. до н. э. в южно-уральский союз была инкорпорирована большая группа кочевников Приаралья. Стоит обратить внимание на элитарный характер курганов, в которых прослеживаются приаральские параллели (Гуцалов 2007, с. 91).

Ряд раннесакских памятников с дромосами в последние годы пополнился курганами тасмолинской культуры из Центрального Казахстана, исследованных А. З. Бейсеновым. К настоящему времени вскрыты 26 курганов, содержащих дромосные могилы. Дата определена в пределах VIII — первой половины VI в. до н. э. на основе анализа археологического комплекса и подтверждена результатами радиоуглеродного анализа. По мнению А. З. Бейсенова, традиция сооружения дромосных могил в начале раннего железного века на территории Казахстана появляется повсеместно вследствие, вероятно, сложения нового мировоззрения у воинственного кочевого населения, основа которых была заложена на завершающем этапе бронзового века (Бейсенов 2016).

Анализ погребальных памятников саков Сарыарки в контексте формирования раннесакского культурного комплекса позволил А. З. Бейсенову включить в круг древностей начального

периода сакской эпохи памятники бийкенской и майемерской культур Алтая, тасмолинской культуры Центрального, Северного Казахстана и Южного Зауралья, тагарские курганы подгорновского этапа, памятники Бешпатыра, генетически связанные с бегазы-дандыбаевской культурой. Близки к ним также мавзолеи предсакского времени Северного Тагискена (Бейсенов 2014). В этом ряду стоит элитарный крупный курган Салбык середины VIII—V вв. до н. э. (Евразия... 2005, с. 174—175).

Можно добавить ряд недавних открытий — памятников, пополнивших этот ряд: Елеке Сазы в Тарбагатайском районе ВКО (Оралбай, Кариев 2016). Курган 7 (диаметр 31 × 33 м, высота — 2,2 м) мог. Елеке Сазы II содержит характерные раннесакские признаки: двойная ограда и широкий ров (2,5—3,5 м); панцирь и дромос с восточной стороны; погребальное сооружение — наземное, в виде подпрямоугольной конструкции из камней, ориентировано длинной осью по линии З—В. Особый интерес в разграбленном погребении представляют золотые рифленые пронизи от наконечников стрел, бляшки в виде профильного изображения ланей, двухлопастные втульчатые наконечники стрел.

В ряду раннесакских памятников Жетысу и Восточного Казахстана занял свое место могильник Кырыкунгир, вероятно показывающий существующие связи между регионами, а также общую основу сложения раннесакского культурного комплекса — бегазы-дандыбаевской культуры (БДК). Он расположен на стыке Горного Алтая и Сарыарки. Объект 25 представляет собой ровную кладку из камней прямоугольной в плане формы (Умиткалиев, Айтбаев, Адельчанов 2016). В могильной яме выявлен каменный ящик. Материалы кургана 15 обнаруживают параллели с курганами Тасмолы (Талды—2), Аржана 2, раннесакскими памятниками Восточного Казахстана (Майемер, Шиликты).

Эти памятники, возможно, дополняют источниковую базу предположения К.В. Чугунова о появлении некрополей Шиликты в связи с миграциями носителей БДК из Казахстана на Средний Енисей через северные отроги Алтая, Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау. В связи с этим упоминается памятник, обследованный А. В. Адриановым во время его поездки в Семипалатинскую область (Чугунов 2015, с. 474), по описанию близкий Кырыкунгиру. Изображения ланей, типы наконечников стрел позволяют датировать курган VIII—VII вв. до н. э. Ряд признаков раннесакских погребальных памятников (Аржан) могут быть отнесены к предшествующему периоду, среди которых — наземный способ захоронения (Чугунов 2006). Если принять тезис К.В. Чугунова о том, что под БДК надо понимать культуру не только Центрального Казахстана, но шире, то логичным выглядит сопоставление конструкций

Бешпатыра с плиточными оградами Бегазы конца II — начала I тыс. до н. э.

Направления контактов населения районов Горного Алтая, предгорий Алтая, Центрального Казахстана, Жетысу и Приаралья в раннескифское время, близость памятников Шиликты и Майемера демонстрируют новые материалы могильника Майемер (Джумабекова, Базарбаева 2011). Для Северного Казахстана также в рамках VIII—VII вв. до н. э. выделены погребальные сооружения с надмогильной конструкцией под земляными курганами, сложенные из дерева (клетки, срубы, на древнем горизонте или материке, дромос (мог. Явленка, Берлик, Кара-Оба, Кенес) (Хабдулина 1994, с. 20—21).

Исследователи выделяют общие элементы погребально-поминальных конструкций раннескифского времени, истоки которых видят в предшествующих культурах эпохи бронзы: традиция возведения херексуров оказала влияние на возникновение аржанского погребального обряда и на формирование бегазы-дандыбаевского культурного комплекса (Чугунов 2006); ряд семантически значимых элементов погребально-поминальных конструкций раннескифского времени объясняется «общим наследием того культурного субстрата, развитие которого в Туве представляет Аржан, или распространением аржанской культурной традиции» (Савинов 2002, с. 70).

А. З. Бейсенов выстроил хронологический ряд значимых, ключевых памятников раннесакского времени: Аржан 1 (рубеж IX — VIII вв. до н. э.), Шиликты, курган 5 (VIII — начало VII в. до н. э.), Шиликты / Байгетобе, Тагискен (VII в. до н. э.), Талды 2, курган 2 (середина — вторая половина VII в. до н. э.), Аржан 2, Жалаулы (конец VII в. до н. э.), Талды 2, курган 5, Карашоки, курган 1 (рубеж VII — VI в. до н. э.). Говоря о связующих факторах вдоль степной зоны и миграционных путях, справедливо указывается на формирование на общей основе единой в целом раннесакской культуры. Не отрицая тезис о близости раннесакских культур Казахстана, Саяно-Алтая, вероятно, Монголии, и значительном отличии их от культурного образования в Северном Причерноморье (Бейсенов 2011, с. 19), отметим, тем не менее, проявляющуюся определенную связь или близость и раннескифских памятников.

Сегодня можно говорить об определенной близости культур раннескифского-раннесакского времени на всей территории Степи, включая ее западные регионы. Они проявляются в сходных элементах погребального обряда, близких предметах. Возможно, близость объясняется не только миграциями населения, но и общей основой для них, предшествующей эпохи. Некоторая параллель прослеживается с возникшей общностью культур степной зоны в эпоху бронзы от Восточной Европы, проявив-

шейся, например, в распространении кладов металлических изделий. До настоящего времени не решен вопрос о причинах депонирования кладов эпохи поздней бронзы, включающих одни и те же категории предметов, на огромной территории Степи, очевидно, он подчинялся какой-то общей закономерности. В. С. Бочкарев считает, что она отчасти проявлялась в циклическом характере самого этого феномена (Бочкарев 2010, с. 164).

Для раннескифского периода сходные принципы строительства погребальных сооружений выявлены на таких удаленных памятниках, как курганы Новозаведенского могильника на Северном Кавказе и могильников Уйгарака, Южный Тагискен и Сакар-Чага 6. Это позволило предположить, что «распространение шатрообразных конструкций на Северном Кавказе могло быть инновацией, не связанной непосредственно с местными, степными ритуалами предскифского времени». Предполагаются восточные (в широком смысле) истоки этого обряда (Маслов 2011, с. 51—52).

Реконструируется протоскифский исход из причерноморского региона в Карпатскую котловину с участием кочевнической этнокультурной среды Центральной Азии. Он обусловлен экологическим «стрессом» в Западной Сибири в середине X в. до н. э., откуда предполагаются миграции через открытый на запад степной коридор (Хохоровски 2011).

В этом аспекте — поиска общекочевнических элементов культуры раннескифского времени и причины их распространения — С. А. Скорым зафиксированы единые элементы погребального ритуала степной части Северного Причерноморья, которые присущи похоронному ритуалу кочевников евразийской степи VII—III вв. до н. э. Авторы статьи согласны с объяснением близостью идеологических представлений номадов и сходными формами их материального выражения. Среди них: подкурганый обряд погребения, захоронения в ямах и на горизонте, наличие деревянных конструкций в ямах, постройка деревянных гробниц на поверхности, в том числе шатровых конструкций, вал, кромлех в основании кургана, использование в насыпи дерновых плиток или вальков, деревянные настилы, ложа, колоды и др. Захоронение зависимых лиц в дромосах — в курганах скифской знати (Скорый 2003, с. 46, 49). Эти элементы зафиксированы в курганах азиатской части пояса степей, например, Майемер, Шиликты (Черников 1965; Толеубаев 2011).

Относительно происхождения такого элемента, как сооружение в яме или на горизонте деревянных гробниц в Лесостепи и на Правобережье существуют две точки зрения: местные и генетически связанные с сооружениями чернолесской культуры или распространились в результате скифского степного влияния. С. А. Скорый считает, что распространение де-

ревянных погребальных конструкций в Лесостепи в скифское время определено слиянием двух традиций — общевразийской и местной лесостепной. При этом появление в Лесостепи носителей древнейшей скифской культуры можно отнести к концу IX — началу VIII в. до н. э. (Скорый 2003).

Свое мнение о гипотезе считать отдельные области Центральной Азии ареалом первоначального формирования скифского культурного комплекса, о центрально-азиатской прародине скифской культуре высказала М. Н. Погребова. Исследователь обосновывает необходимость более тщательного аргументирования этой точки зрения, не отрицая общего среднеазиатско-казахстанского региона как источника культурных импульсов в Причерноморье (Погребова 2006).

Вывод. Жетысу — регион, в древности являвшийся одним из политических, административных и религиозных центров раннего государственного образования скифо-сакского времени. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные курганные могильники.

Удивительное сходство ряда элементов элитных погребений степного пояса Евразии I тыс. до н. э., видимо, объясняется тем, что элитарный характер погребений наиболее ярко отражает основные черты мифо-ритуального комплекса, который в погребально-поминальной обрядности находит явное выражение.

Таким образом, актуальным представляется дальнейшее изучение раннекочевнических памятников Жетысу — важнейшего региона, без археологических материалов которого невозможно решить задачи сложения культур скифского времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев, А. К. 1984. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата: Наука.
- Акишев, К. А. 1965. *Дневник САЭ 1965 г. Продолжение работ Ащысай I, замка-усадыбы Луговое А и Б. Раскопки на объектах: могильник Кызыл-Тоған, город-крепость Барсыхан, могильник Мойынмас; разведочный маршрут по рекам Бижге, Аксу, Саркан, Баскан и Лепсы*. Архив ИА КН МОН РК, д. 967.
- Акишев, К. А. 1972. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. В: Акишев, К. А. (ред.). *Поиски и раскопки в Казахстане*. Алма-Ата: Наука, с. 31-46.
- Акишев, К. А. 1977. Семиречье и Южный Казахстан. В: Акишев, К. А., Байпаков, К. М., Кадырбаев, К. М., Кумеков, Б. Е. (ред.). *История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней) в пяти томах*. Алма-Ата: Наука, I, с. 264-274.
- Акишев, К. А. 1978. *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана*. Москва: Искусство.
- Акишев, К. А. 1983. *Древнее золото Казахстана*. Алма-Ата: Онер.
- Акишев, К. А. 2013. *Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования)*. Алматы.

- Акишев, К. А., Акишев, А. К. 1978. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры. В: Акишев, К. А. (ред.). *Археологические памятники Казахстана*. Алма-Ата: Наука, с. 38-63.
- Акишев, К. А., Акишев, А. К. 1982. Искусство саков Семиречья. *Наука и человечество. Международный ежегодник*, с. 89-98.
- Акишев, К. А., Кушаев, Г. А. 1963. *Древняя культура саков и усуней долины реки Или*. Алма-Ата: АН КазССР.
- Алтынбеков, К. 2014. *Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации*. Алматы: Остров Крым.
- Амиров, Е. Ш. 2008. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги). *Известия НАН РК. Серия общественных наук*, 1, с. 29-34.
- Амиров, Е. Ш. 2015. Подвески-костыльки из могильника Каратума (к расширению серии из долины р. Или). В: Калыш, А. Б. (ред.). *Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее*. Алматы: Казак университети, с. 163-165.
- Амиров, Е. Ш. 2016. О военном деле и хозяйственной специфике населения Жетысу в сако-усуньский период (по материалам могильника Каратума). *Edu. e-history.kz*, 2 (06). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/459>.
- Археологическая карта Казахстана*. 1960. Реестр. Алма-Ата: АН КазССР.
- Бабанская, Г. Г. 1956. Беркаринский могильник. *Труды ИИАЭ КазССР*, 1, с. 180-206.
- Байпаков, К. М. 2008. *Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.
- Байпаков, К. М., Воякин, Д. А. 2014. *Выдающиеся археологические памятники Казахстана*. Алматы: Асыл соз.
- Байпаков, К. М., Воякин, Д. А., Захаров, С. В. 2016. *Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье*. Алматы: Археологическая экспертиза.
- Байпаков, К. М., Таймагамбетов, Ж. К. 2006. *Археология Казахстана: учебное пособие для студентов вузов*. Алматы: Казак университети.
- Байтанаев, Б. А., Китов, Е. П. 2016. Антропологические особенности женского погребения из могильника Уржар. В: Байтанаев, Б. А. (ред.). *Культурное наследие Евразии (с древнейших времен до наших дней)*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 722-729.
- Бейсенов, А. З. 2011. Талды 2 и памятники раннесакского времени степной Евразии. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Караганды: Бегазы-Тасмола, с. 14-20.
- Бейсенов, А. З. 2013. Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур. *Вестник КемГУ*, 3 (55), 4, с. 13-17.
- Бейсенов, А. З. 2014. *Древние сокровища Сарыарки*. Алматы: Бегазы-Тасмола.
- Бейсенов, А. З. 2015. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 7-34.
- Бейсенов, А. З. 2016. *Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан). Самарский научный вестник*, 3 (16), с. 77-86.
- Бейсенов, А. З., Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. А., Барнинова, Е., Крешиволи, Л. 2015. Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан 6 в Жетысу. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 59-70.
- Бочкарёв, В. С. 2010. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Инфо Ол.
- Гасс, А. 2011. К проблеме изучения памятников раннего железного века Юго-Восточного Семиречья в свете данных геоархеологических исследований. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 3 (47), с. 57-69.
- Гасс, А. 2015. Радиоуглеродная хронология памятников раннего железного века Юго-Восточного Жетысу. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 84-89.
- Горячев, А. А. 2007. Могильник раннего железного века археологического комплекса в верховьях ущелья Тургенъ. *Известия НАН РК. Серия общественных наук*, 1, с. 3-14.
- Горячев, А. А. 2011. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургенъ II. *Вопросы археологии Казахстана*, 3, с. 325-341.
- Горячев, А. А., Егорова, Т. А. 2015. Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (юго-восточная окраина г. Алматы). В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 90-99.
- Горячев, А. А., Мотов, Ю. А. 2012. Результаты исследований археологического комплекса Бутақты 1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2010 г. *Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук*, 3, с. 3-15.
- Горячев, А. А., Сараев, В. В. 2015. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы. *Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук*, 6, с. 5-18.
- Горячев, А. А., Сараев, В. В. 2017. Поселения раннего железного века на северных склонах Иле Алатау. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 123-132.
- Грязнов, М. П. 1980. *Аржан. Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.
- Гуцалов, С. Ю. 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2 (30), с. 75-92.
- Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. А. 2011. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майемерской степи. *История и археология Семиречья*, 4, с. 67-88.
- Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. А. 2013. *Художественные бронзы Жетысу*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология*. 2005. Санкт-Петербург: Теза.
- Жандаев, Ж. Ж. 1978. *Природа Заилийского Алатау*. Алма-Ата: Казахстан.
- Заднепровский, Ю. А. 1962. *Древнеземледельческая культура Ферганы*. Москва, Ленинград: АН СССР.
- Иванов, С. С., Тулегенов, Т. Ж. 2016. Костяные (роговые) наконечники стрел ранних кочевников

- Притяньшпанья, В. Онгарулы, А. (ред.). *Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 75-81.
- Историко-культурный атлас казахского народа. 2011. Алматы: Print-S.
- Карабаспакова, К. М. 2011. *Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы*. Алматы: Бегазы-Тасмола.
- Краснов, А. Н. 1887. Очерк быта Семиреченских киргиз. *Известия Русского географического общества*, XXIII, с. 436-481.
- Марьяшев, А. Н. 2002. Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баян-Журек. *Известия НАН РК. Серия общественных наук*, 1, с. 23-30.
- Марьяшев, А. Н. 2003. Поселения и металлургические комплексы в ущелье Музбулак. *Известия НАН РК. Серия общественных наук*, 1, с. 20-34.
- Масанов, Н. Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества*. Алматы: Социнвест, Москва: Горизонт.
- Маслов, В. Е. 2011. К вопросу о происхождении курганов с «шатровым» перекрытием на Северном Кавказе. В: Алексин, В. А., Бочкарев, В. С. (ред.). *Материалы Круглого стола «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, Государственный Эрмитаж, с. 49-53.
- Мотузайте Матузевичус, Г. 2016. Рацион питания населения Каратумы, определенный с помощью анализа костного коллагена. В: Шульга, П. И. (ред.). *Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье*. Алматы: Археологическая экспертиза, с. 623-633.
- Нурмуханбетов, Б. Н., Трифонов, Ю. И. 2016. Курганные могильники Шубарат и Молалы (краткая характеристика, культурно-хронологический анализ). В: Онгарулы, А. (ред.). *Саки и савроматы казахских степей*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 10-19.
- Нурмуханбетов, Б., Загородний, А. 1984. Путь к «Золотому воину». В: Ровенский, Н. (ред.). *Памятники истории и культуры Казахстана*. Алма-Ата: Онер, с. 58-63.
- Нурпейсов, М., Джумабекова, Г., Бесетаев, Б., Чотбаев, А., Толегенов, Е. 2008. Исследование аварийного кургана № 2 сакского могильника Улжан на территории города Алматы. В: Самашев, З. (ред.). *Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи*. Астана: Президентский центр культуры, с. 225-240.
- Ожерельев, Д. В. 2012. Новейшие открытия палеолитических памятников в Юго-Восточном Казахстане. *Краткие сообщения Института археологии*, 227, с. 182-192.
- Онгар, А., Киясбек, Г., Хасенова, Б., Бесетаев, Б., Кожакметов, Б. 2014. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012—2014 гг.). В: Онгарулы, А. (ред.). *Всадники Великой степи: традиции и новации*. Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, с. 29-57.
- Оралбай, Е., Кариев, Е. 2016. Предварительные результаты исследований раннесакских памятников на плато Елеке Сазы в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области. В: Онгарулы, А. (ред.). *Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 161-172.
- Панюшкина, И. П., Григорьев, Ф. П., Лейндж, Т. 2015. Возраст Третьего Беспатырского кургана по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным (около 550 г. до н. э.). В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 202-207.
- Погребова, М. Н. 2006. Центральнаяазиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса. В: Петренко, В. Г., Яблонский, Л. Т. (ред.). *Древности скифской эпохи*. Москва: ИА РАН, с. 172-193.
- Полидович, Ю. Б. 2011. Изображения таутеке на навешенных из комплекса Биже (Жетысу) в контексте раннесакского «звериного стиля». В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Караганды: Бегазы-Тасмола, с. 123-130.
- Рогожинский, А. Е. 2016. Незадолго до Чжан Цяня (след движения номадов из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры). В: Деревянко, А. П., Молодин, В. И. (ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, с. 527-550.
- Руденко, С. И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. Москва, Ленинград: АН СССР.
- Савинов, Д. Г. 2002. *Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Самашев, З., Григорьев, Ф., Жумабекова, Г. 2005. *Древности Алматы*. Алматы: Археология.
- Самашев, З., Джумабекова, Г., Нурпейсов, М., Чотбаев, А. 2006. *Древности Алматы: курганы Боролдая*. Алматы: Археология.
- Сейткалиев, М. К. 2014. Жетытобинский грифон (к вопросу о переднеазиатском влиянии на искусство кочевников Семиречья). *Маргулановские чтения — 2014: материалы конференции, посвященной 110-летию А. Х. Маргулана*, с. 363-373.
- Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев: ИА НАНУ.
- Тасмагамбетов, И. 2003. *Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников*. Алматы: Берел.
- Толеубаев, А. 2011. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау. В: Байтанаев, Б. А., Бейсенов, А. З. (ред.). *Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991—2011)*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 156-174.
- Умиткалиев, У. У., Айтбаев, А. Б., Адельчанов, К. С. 2016. Предварительные результаты археологических работ в могильнике «Кырыкунгир». В: Ахметов, Д. (ред.). *Алтай — золотая колыбель тюркского мира*. Усть-Каменогорск: Восточно-Казахстанский госуниверситет, с. 272-280.
- Хабдулина, М. К. 1994. *Степное Приишимье в эпоху раннего железа*. Алматы: Ракурс.
- Хохоровски, Я. 2011. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). *Terra Scythica*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, с. 319-336.
- Черников, С. С. 1965. *Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство»*. Москва: Наука.
- Чотбаев, А., Онгар, А. 2014. Некрополь Катартобе — памятник кочевой элиты Восточного Жетысу.

В: Онгарулы, А. (ред.). *Всадники Великой степи: традиции и новации*. Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, с. 63-87.

Чотбаев, А., Онгар, А., Киясбек, Г., Рахманкулов, Е., Кожамметов, Б., Бесетаев, Б. 2012. Начало исследования на Катартобе. *Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана*, 1, с. 118-125.

Чугунов, К. В. 2006. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана. В: Деревянко, А. П., Молодин, В. И. (ред.). *Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, II, с. 69-71.

Чугунов, К. В. 2015. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы). *Труды Государственного Эрмитажа*, 77, с. 457-486.

Шульга, П. И. 2003. *Могильник скифского времени Локоть 4а*. Барнаул: АлтГУ.

Яблонский, Л. Т. 1996. *Саки Южного Приаралья*. Москва: ИА РАН.

Beisenov, A. Z., Kreshlioli, L., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Barinova, E. 2017. The early iron age burial ground Kaspan 6 in Jetysy. *Theory and practice of archaeological researches*, 2 (18), p. 97-108.

Chang, C., Benecke, N., Grigoriev, F. P., Rosen, A. M., Tourtellotte, P. A. 2003. Iron Age society and chronology in South-east Kazakhstan. *Antiquity*, 77, p. 298-312.

Dolukhanov, P. M., Romanova, Y. N., Semyontsov, A. A. 1970. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology II. *Radiocarbon*, 12 (1), p. 130-155.

Panyushkina, I., Grigoriev, F., Lange, T., Alimbay, N. 2013. Radiocarbon and tree-ring dates of the Bes-Shatyr N 3 saka kurgan in the Semirechiye, Kazakhstan. *Radiocarbon*, 55 (3), p. 1297-1303.

Reimer, P. J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., Blackwell, P. G., Ramsey, C. B., Buck, C. E., Cheng, H., Edwards, R. L., Friedrich, M. et al. 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0—50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*, 55, p. 1869-1887.

Stuiver, M., Reimer, P. J., and Reimer, R. W. 2013. CALIB 7.0. URL: <http://radiocarbon.pa.qub.ac.uk/calib/calib.html>.

REFERENCES

Akischev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov*. Alma-Ata: Nauka.

Akischev, K. A. 1965. *Dnevnik SAE 1965 g. Prodolzhenie rabot Ashchysaj I, zamka-usad'by Lugovoe A i B. Raskopki na objekтах: mogil'nik Kyzyl-Togan, gorod-krepost' Barsyhan, mogil'nik Moiyntas; razvedochnyj marshrut po rekam Bizhe, Aksu, Sarkan, Baskan i Lepsy*. Arhiv IA KN MON RK, d. 967.

Akischev, K. A. 1972. K probleme proiskhozhdeniya nomadizma v aridnoy zone drevnego Kazahstana. In: Akischev, K. A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazahstane*. Alma-Ata: Nauka, s. 31-46.

Akischev, K. A. 1977. Semirech'e i Yuzhnyy Kazahstan. In: Akischev, K. A. (ed.). *Istoriya Kazahskoj SSR (s drevnejshih vremen do nashih dnei) v pyati tomah*. Alma-Ata: Nauka, I, s. 264-274.

Akischev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana*. Moskva: Iskusstvo.

Akischev, K. A. 1983. *Drevnee zoloto Kazahstana*. Alma-Ata: Oner.

Akischev, K. A. 2013. *Drevnie i srednevekovye gosudarstva na territorii Kazahstana (ehtyudy issledovaniya)*. Almaty.

Akischev, K. A., Akischev, A. K. 1978. Problema hronologii rannego ehtapa sakskej kul'tury. In: Akischev, K. A. (ed.). *Ar-*

heologicheskie pamyatniki Kazahstana. Alma-Ata: Nauka, s. 38-63.

Akischev, K. A., Akischev, A. K. 1982. Iskusstvo sakov Semirech'ya. *Nauka i chelovechestvo. Mezhdunarodnyy ezhegodnik*, s. 89-98.

Akischev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyaya kul'tura sakov i usunej doliny reki Ili*. Alma-Ata: AN KazSSR.

Altynbekov, K. 2014. *Vozrozhdennye sokrovishcha Kazahstana: opyt nauchnoj restavracii*. Almaty: Ostrov Krym.

Amirov, E. Sh. 2008. Arheologicheskie issledovaniya na mogil'nike Ulzhan (predvaritel'nye itogi). *Izvestiya NAN RK. Serija obshchestvennyh nauk*, 1, s. 29-34.

Amirov, E. Sh. 2015. Podveski-kostyl'ki iz mogil'nika Karatuma (k rasshireniyu serii iz doliny r. Ili). In: Kalysh, A. B. (ed.). *Kazahstanskaya arheologiya i ehtnologiya: proshloe, nastoyashchee i budushchee*. Almaty: Kazak universiteti, s. 163-165.

Amirov, E. Sh. 2016. O voennom dele i hozyajstvennoj specifike naseleniya Jetysy v sako-usun'skij period (po materialam mogil'nika Karatuma). *Edu.e-history.kz*, 2 (06). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/459>.

Arheologicheskaya karta Kazahstana. 1960. Reestr. Alma-Ata: AN KazSSR.

Babanskaya, G. G. 1956. Berkarinskij mogil'nik. *Trudy IIAE KazSSR*, 1, s. 180-206.

Bajpakov, K. M. 2008. *Poseleniya sakov i usunej na territorii Jetysy i Almaty*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana.

Bajpakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Vydayushchiesya arheologicheskie pamyatniki Kazahstana*. Almaty: Asyl soz.

Bajpakov, K. M., Voyakin, D. A., Zaharov, S. V. 2016. *Mogil'nik Karatuma. Nekropol' rannego zhelezного века v Semirech'e*. Almaty: Arheologicheskaya ekspertiza.

Bajpakov, K. M., Tajmagambetov, Zh. K. 2006. *Arheologiya Kazahstana: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov*. Almaty: Qazaq Universiteti.

Bajtanaev, B. A., Kitov, E. P. 2016. Antropologicheskie osobennosti zhenskogo pogrebeniya iz mogil'nika Urzhar. In: Bajtanaev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnejshih vremen do nashih dnei)*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 722-729.

Beisenov, A. Z. 2011. Taldy 2 i pamyatniki rannesakskogo vremeni stepnoj Evrazii. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov stepnoj Evrazii*. Karagandy: Begazy-Tasmola, s. 14-20.

Beisenov, A. Z. 2013. Predmety iskusstva rannih sakov Saryarki kak svidetel'stva vzaimodejstviya kul'tur. *Vestnik KemGU*, 3 (55), 4, s. 13-17.

Beisenov, A. Z. 2014. *Drevnie sokrovishcha Saryarki*. Almaty: Begazy-Tasmola.

Beisenov, A. Z. 2015. Poseleniya i mogil'niki sakskej ehpohi Central'nogo Kazahstana. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 7-34.

Beisenov, A. Z. 2016. Dromosnye kurgany sakskej ehpohi na reke Jarly (Central'nyj Kazahstan). *Samarskij nauchnyj vestnik*, 3 (16), s. 77-86.

Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Barinova, E., Kreshlioli, L. 2015. Arheologicheskie issledovaniya mogil'nika rannego zhelezного века Kaspan 6 v Jetysy. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 59-70.

Bochkaryov, V. S. 2010. *Kul'turogenез i drevnee metallo-proizvodstvo Vostochnoj Evropy*. Sankt-Peterburg: Info Ol.

Gass, A. 2011. K probleme izucheniya pamyatnikov rannego zhelezного века Yugo-Vostochnogo Semirech'ya v svete dannyh geoarheologicheskikh issledovaniy. *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, 3 (47), s. 57-69.

Gass, A. 2015. Radiouglerodnaya hronologiya pamyatnikov rannego zhelezного века Yugo-Vostochnogo Jetysy. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 84-89.

Goryachev, A. A. 2007. Mogil'nik rannego zhelezного века arheologicheskogo kompleksa v verhov'yah uschel'ya Turgen'. *Izvestiya NAN RK. Serija obshchestvennyh nauk*, 1, s. 3-14.

- Goryachev, A. A. 2011. Poselenie i mogil'nik rannego zheleznoogo veka arheologicheskogo kompleksa Turgen' II. *Voprosy arheologii Kazahstana*, 3, s. 325-341.
- Goryachev, A. A., Egorov, T. A. 2015. Poseleniya rannego zheleznoogo veka v ushel'e Butakovka (yugo-vostochnaya okraina g. Almaty). In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnykh processov Stepnoj Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 90-99.
- Goryachev, A. A., Motov, Yu. A. 2012. Rezul'taty issledovaniy arheologicheskogo kompleksa Butakty 1 na yugo-vostochnoj okraine goroda Almaty v 2010 g. *Izvestiya. NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk*, 3, s. 3-15.
- Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2015. K voprosu o hozyajstvenno-kul'turnom razvitii drevnego naseleniya Almaty. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk*, 6, s. 5-18.
- Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2017. Poseleniya rannego zheleznoogo veka na severnykh sklonah Ile Alatau. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Central'nogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 123-132.
- Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni*. Leningrad: Nauka.
- Gutsalov, S. Yu. 2007. Pogrebal'nye pamyatniki kochevoj ehlyty Yuzhnogo Priural'ya sereidiny 1 tys. do n. e. *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, 2 (30), s. 75-92.
- Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2011. V poiskah sledov svernuvshejsya pantery: k izucheniyu pamyatnikov Majemerskoj stepi. In: Egorova, T. A., Mar'yashev, A. N., Motov, Ya. A., Goryachev, A. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirech'ya*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 67-88.
- Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2013. *Hudozhestvennye bronzy Jetysu*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana.
- Evraziya v skifskuyu ehphu: radiouglerodnaya i arheologicheskaya hronologiya*. 2005. Sankt-Peterburg: Teza.
- Jandaev, Zh. Zh. 1978. *Priroda Zailijskogo Alatau*. Alma-Ata: Kazahstan.
- Zadneprovskij, Yu. A. 1962. *Drevnezemel'del'cheskaya kul'tura Fergany*. Moskva, Leningrad: AN SSSR.
- Ivanov, S. S., Tulegenov, T. Zh. 2016. Kostyanye (rogovye) nakonechniki strel rannih kochevnikov Prityan'shan'ya. In: Ongaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazahskih stepej: kontakt kul'tur*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 75-81.
- Istoriiko-kul'turnyj atlas kazahskogo naroda*. 2011. Almaty: Print-S.
- Karabaspakova, K. M. 2011. *Jetysu i Yuzhnyj Kazahstan v epohu bronzy*. Almaty: Begazy-Tasmola.
- Krasnov, A. N. 1887. Ocherk byta Semirechenskikh kirgiz. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, XXIII, s. 436-481.
- Mar'yashev, A. N. 2002. Novye materialy o poseleniyah eh-pohi bronzy v gorah Bayan-Zhurek. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk*, 1, s. 23-30.
- Mar'yashev, A. N. 2003. Poseleniya i metallurgicheskije komplekxy v ushel'e Muzbulak. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk*, 1, s. 20-34.
- Masanov, N. E. 1995. *Kochevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva*. Almaty: Socinvest, Moskva: Gorizont.
- Maslov, V. E. 2011. K voprosu o proiskhozhdenii kurganov s «shatrovym» perekrytiem na Severnom Kavkaze. In: Alekshin, V. A., Bochkarev, V. S. (ed.). *Materialy Kruglogo stola «Perekhod ot eh-pohi bronzy k eh-pohu zheleza v Severnoj Evrazii»*, Sankt-Peterburg: IIMK RAN; Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 49-53.
- Motuzajte Matuzevichus, G. 2016. Racion pitaniya naseleniya Karatamy, opredelennyj s pomoshch'yu analiza kostnogo kollagena. In: Shulga, P. I. (ed.). *Mogil'nik Karatuma. Nekropol' rannego zheleznoogo veka v Semirech'e*. Almaty: Arheologicheskaya ekspertiza, s. 623-633.
- Nurmuhambetov, B. N., Trifonov, Yu. I. 2016. Kurgan-nye mogil'niki Shubarat i Molaly (kratkaya karakteristika, kul'turno-hronologicheskij analiz). In: Ongaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty kazahskih stepej*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 10-19.
- Nurmuhambetov, B., Zagorodnij, A. 1984. Put' k «Zolotomu voynu». In: Rovenskiij, N. (ed.). *Pamyatniki istorii i kul'tury Kazahstana*. Alma-Ata: Oner, s. 58-63.
- Nurpeisov, M., Jumabekova, G., Besetaev, B., Chotbaev, A., Tulegenov, E. 2008. Issledovanie avariynogo kurgana N 2 sakskogo mogil'nika Ulzhan na territorii goroda Ehtnosociokul'turnye processy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoj eh-pohi. Astana: Prezidentskij centr kul'tury, s. 225-240.
- Ozherel'ev, D. V. 2012. Novejschie otkrytiya paleoliticheskikh pamyatnikov v Yugo-Vostochnom Kazahstane. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, 227, s. 182-192.
- Ongar, A., Kiyasbek, G., Hasenova, B., Besetaev, B., Kojahmetov, B. 2014. Novye rezul'taty issledovaniya pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa Karkara (po materialam raspokop 2012—2014 gg.). In: Ongaruly, A. (ed.). *Vsadniki Velikoj stepi: tradicii i novacii*. Astana: Filial Instituta arheologii im. A. H. Margulana, s. 29-57.
- Oralbai, E., Kariev, E. 2016. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniy rannesakskikh pamyatnikov na plato Eleke Sazy v Tarbagatajskom rajone Vostochno-Kazahstanskoj oblasti. In: Ongaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazahskih stepej: kontakt kul'tur*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 161-172.
- Panyushkina, I. P., Grigor'ev, F. P., Lejndzh, T. 2015. Vozrast Tret'ego Besshatyrskogo kurgana po dendrokhronologicheskim i radiouglerodnym dannym (okolo 550 g. do n. e.). In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnykh processov Stepnoj Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 202-207.
- Pogrebova, M. N. 2006. Central'noaziatskaya gipoteza proiskhozhdeniya skifskoj material'noj kul'tury i skifskogo ehtnosa. In: Petrenko, V. G., Yablonskij, L. T. (ed.). *Drevnosti skifskoj eh-pohi*. Moskva: IA RAN, s. 172-193.
- Polidovich, Yu. B. 2011. Izobrazheniya tauteke na naver-shiyah iz kompleksa Bizhe (Jetysu) v kontekste rannesak-skogo «zverinogo stilya». In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnykh processov stepnoj Evrazii*. Karagandy: Begazy-Tasmola, s. 123-130.
- Rogozhinskij, A. E. 2016. Nezasolgo do Chzhan Cyanya (sled dvizheniya nomadov iz centra Azii na Zapad v posled-nij vek do nashej ehry). In: Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (ed.). *Altaj v krugu evrazijskikh drevnostej*. Novosibirsk: IA Et SO RAN, s. 527-550.
- Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniya Central'nogo Al-taya v skifskoe vremya*. Moskva, Leningrad: AN SSSR.
- Savinov, D. G. 2002. *Rannie kochevniki Verhnego Eniseya. Arheologicheskie kul'tury i kul'turogenez*. Sankt-Peterburg: SPbGU.
- Samashev, Z., Grigor'ev, F., Jumabekova, G. 2005. *Drevnosti Almaty*. Almaty: Arheologiya.
- Samashev, Z., Jumabekova, G., Nurpeisov, M., Chotbaev, A. 2006. *Drevnosti Almaty: kurgany Boroldaya*. Almaty: Arheologiya.
- Sejtkaliev, M. K. 2014. Jetytobinskij grifon (k voprosu o peredneaziatskom vliyanii na iskusstvo kochevnikov Semirech'ya). *Margulanovskie chteniya — 2014: materialy konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu A. H. Margulana*, s. 363-373.
- Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Le-sostepi (problema vydeleniya iranskogo ehtnokul'turnogo eh-le-menta)*. Kiev: IA NANU.
- Tasmagambetov, I. 2003. *Kentavry Velikoj stepi. Hu-do-zhestvennaya kul'tura drevnih kochevnikov*. Almaty: Berel.
- Toleubaev, A. 2011. Itogi issledovaniy pamyatnikov ran-nego zheleznoogo veka Tarbagataya i Jetysuskogo Alatau. In: Baitanov, B. A., Beisenov, A. Z. (ed.). *Svideteli tysyacheletij: arheologicheskaya nauka Kazahstana za 20 let (1991—2011)*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 156-174.
- Umitkaliev, U. U., Ajtbaev, A. B., Adel'chanov, K. S. 2016. Predvaritel'nye rezul'taty arheologicheskikh rabot v mogil'nike «Kyrykungir». In: Ahmetov, D. (ed.). *Altaj — zolotaya kolybel' tyurkskogo mira*. Ust'-Kamenogorsk: Vostochno-Kazahstanskij gosuniversitet, s. 272-280.
- Habduhina, M. K. 1994. *Stepnoe Priishim'e v eh-pohu ran-nego zheleza*. Almaty: Rakurs.
- Hohorovski, Ya. 2011. Ekologicheskij «stress» v Zapad-noi Sibiri i kul'turny «shok» v Karpatskoj kotlovine v konce bronzoogo veka. In: Molodin, V. I., Hansen, S. (ed.). *Terra Scythica*. Novosibirsk: AEt SO RAN, s. 319-336.

Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' «skifskoe iskusstvo»*. Moskva: Nauka.

Chotbaev, A., Ongar, A. 2014. Nekropol' Katartobe — pamyatnik kochevoj ehliny Vostochnogo Jetysu. In: Ongaruly, A. (ed.). *Vsadniki Velikoj stepi: tradicii i novacii*. Astana: Filial Instituta arheologii im. A. H. Margulana, s. 63-87.

Chotbaev, A., Ongar, A., Kiyasbek, G., Rahmankulov, E., Kozhahmetov, B., Besetaev, B. 2012. Nachalo issledovaniya na Katartobe. *Trudy filiala Instituta arheologii im. A. H. Margulana v g. Astana*, 1, s. 118-125.

Chugunov, K. V. 2006. Cinhronizaciya kul'tur nachala ranneskifskogo vremeni Central'noj Azii, Yuzhnoj Sibiri i Kazahstana. In: Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (ed.). *Sovremennyye problemy arheologii Rossii: materialy Vserossijskogo arheologicheskogo sjezda*. Novosibirsk: IAET SO RAN, II, s. 69-71.

Chugunov, K. V. 2015. Formirovanie kul'tur rannih kochevnikov v Kazahstane i Sayano-Altai (k postanovke problemy). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 77, s. 457-486.

Shul'ga, A. I. 2003. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot' 4a*. Barnaul: AltGU.

Yablonskij, L. T. 1996. *Saki Yuzhnogo Priaral'ya*. Moskva.

Beisenov, A. Z., Kreshioli, L., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Barinova, E. 2017. The early iron age burial ground Kaspan 6 in Jetusy. *Theory and practice of archaeological researches*, 2 (18), p. 97-108.

Chang, C., Benecke, N., Grigoriev, F. P., Rosen, A. M., Tourtellotte, P. A. 2003. Iron Age society and chronology in South-east Kazakhstan. *Antiquity*, 77, p. 298-312.

Dolukhanov, P. M., Romanova, Y. N., Semyontsov, A. A. 1970. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology II. *Radiocarbon*, 12 (1), p. 130-155.

Panyushkina, I., Grigoriev, F., Lange, T., Alimbay, N. 2013. Radiocarbon and tree-ring dates of the Bes-Shatyr N 3 saka kurgan in the Semirechiye, Kazakhstan. *Radiocarbon*, 55 (3), p. 1297-1303.

Reimer, P. J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., Blackwell, P. G., Ramsey, C. B., Buck, C. E., Cheng, H., Edwards, R. L., Friedrich, M. et al. 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0—50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*, 55, p. 1869-1887.

Stuiver, M., Reimer, P. J., and Reimer, R. W. 2013. CALIB 7.0. URL: <http://radiocarbon.pa.qub.ac.uk/calib/calib.html>.

G. S. Jumabekova, G. A. Bazarbayeva

ON THE EARLY IRON AGE OF JETYSU: RESULTS OF SOME DATA SYSTEMATIZATION

Today a big amount of data on the culture of the early Iron Age population of Jetysu has been gathered. This

chronological horizon is represented by various monuments — settlements, mounds, petroglyphs, treasures and accidental finds. Systematic studies of the early Iron Age monuments of the region are connected with the name of K. A. Akishev.

Jetysu («Seven Rivers» from Kazakh «jety» — «seven», «su» — «water») is a vast region in the historical and cultural aspect, located in the southeast of Kazakhstan. Jetysu is surrounded by steppes and foothills of Saryarka, Kazakh Altay, Central Asia and Eastern Turkestan.

In the ancient times Jetysu was one of political, administrative and religious centers of the early states of the Scythian-Saka time. This is vividly evidenced by numerous burial mounds, including so-called royal burial mounds as well as settlements.

Some astonishing similarity of a number of elite burial elements of the steppe belt of Eurasia before 1 thousand BC can be explained by the fact that the elitist character of the burials most clearly reflects the main features of the mytho-ritual complex, which is clearly expressed in the funeral-memorial ritual.

Further studies of the early nomadic monuments of Jetysu — the most important region, without archaeological materials of which it is impossible to solve the problems of Scythian culture development, are topical.

Keywords: Jetysu, Early Iron Age, monuments, researches.

Одержано 12.12.2017

БАЗАРБАЄВА Галія Аппазівна, провідний науковий співробітник, Інститут археології ім. А. Х. Маргулана Комітету науки МОН РК, пр. Достик, 44, Алмати, 050100, Казахстан, galiya2002@gmail.com.

BAZARBAYEVA Galiya A., leader scientific researcher, Archaeology institute after A. Kh. Margulan, Dostyk av. 44, Almaty, 050100, Kazakhstan, galiya2002@gmail.com.

ДЖУМАБЕКОВА Гульнара Саїнівна, провідний науковий співробітник, Інститут археології ім. А. Х. Маргулана Комітету науки МОН РК, пр. Достик, 44, Алмати, 050100, Казахстан, gdzhuma@mail.ru.

JUMABEKOVA Gulnara S., leader scientific researcher, Archaeology institute after A. Kh. Margulan, Dostyk av. 44, Almaty, 050100, Kazakhstan, gdzhuma@mail.ru.